

ЛЮБОВЬ Ивановна Добржанская поистине неповторима в роли тетюшки Руцы в «Птицах нашей молодости» Иона Друцэ на Малой сцене Центрального театра Советской Армии, театра, которому актриса отдала почти сорок лет жизни.

На премьере «Птиц» многие, радуясь удаче Добржанской, вспоминали и недавние ее «пустые» сезоны, досадовали на инертность театра, не столь уж часто находящего роли для этой великолепной и притом неожиданной актрисы. Если додумать до конца эту мысль — о малой занятости актрисы, мимо которой проходят ее роли, то выяснится, что ролей этих множество. Это и русская классика — Толстой, Достоевский, Гончаров, Островский. И Брехт с его мамашей Кураж. Это и комедия, и трагедия, и философская драма. Это и многонациональная современная драматургия — именно, многонациональная!

Особая грань таланта Добржанской — чувство национальной природы характера, искусство передать эту природу по-своему, минуя лежащие на поверхности сценические средства, не увлекаясь внешними «популярными» примерами, почти не трогая гримом лицо. И вместе с тем в позе ее учительницы-киргизки, умеющей сидеть часами неподвижно, подбрав под себя ноги, в ее готовности слушать других и не терять при этом нить собственной мысли, в привычке держать на весу пиялу с горячим чаем, в повороте головы, в мелодии речи — во всем этом есть какая-то неповторимая степная грация. А другая ее киргизка — Толгойай в спектакле «Материнское поле», с ее многими бедами, терпением, упорством, привычкой одолевать судьбу, с ее неоскудевающей любовью к людям? А разбитые голосистые колхозницы из белорусской деревни — Ганна и Левониха — в комедиях Макаенка? А Василица в «Наса маре», впивающая в себя поэзию молдавского села, где поют каждую ночь неистовые скрипки?

Тетюшка Руца тоже из молдавского села со старинным названием Валя Кокорилор, что означает Долина аистов. Ей много лет, она старше своих подруг по годам, но не пришла к ней старушечья степенность. Все еще беспокойна ее душа, и заботы земные, житейские, всем понятные, перемешались с фантазией, с выдумкой, с той древней прекрасной и мудрой поэзией, что рождается в народе.

Добржанская не просто играет старуху-чудачку, делающую все наперекор родному племяннику, председателю колхоза, «уцепившуюся» за свою хату-развалюху, что портит панораму современного села. Героиня Добржан-

ской «воюет» за своих аистов, выбирая при этом наивный до смешного способ борьбы. Ей непонятно и обидно, что так мало стали значить для людей ее родного села природа, красота, эти полузабытые родники, старые ветвистые деревья, птицы, что возвращались сюда каждой весной, песни и обычаи, придавшие особый смысл семейным праздникам... А потом окажется, что и племянник ее Павел, с которым она так долго и упорно жила во вражде, тоже любит землю и небо, и птиц любит — только не аистов, а жаворонков. Но больше всего дороги ему люди. Тогда и тетюшка Руца поймет, что ей хочется увидеть аистов по той же причине — из-за любви к людям. Хотя и ворчит она на своих

же тему — тему поэзии и духовной красоты, — позволяет и нам несколько отвлечься. И подумать об актрисе, которая перед нами. Об искусстве монолога, которое больше, чем мастерство. О «жизни человеческого духа» в каждой ее роли, и тем более в монологе, который без насыщенной внутренней жизни становится пустым и ненужным. О прежних монологах Добржанской — в «Профессии миссис Уоррен», в «Моей семье», в «Материнском поле», а если вспомнить спектакли более ранние, то в «Укрощении строптивой», в «Давным-давно»... Чувство автора, стиля, времени и чувство зрителя безошибочны у актрисы. Какой она будет мамашей Кураж, если ЦТСА поставит Брехта! А старой

люди искусства

МОНОЛОГИ ДОБРЖАНСКОЙ

О. ДЗЮБИНСКАЯ

односельчан, но жить без них не может, и тревожится, чтобы не забыли они о красоте и поэзии, необходимых человеку, как хлеб и вода.

В роли тетюшки Руцы Добржанская обнаружила движение: старуха, ушедшая в свои думы, помнящая прошлые обиды и напасти, постепенно оттаивает, отзывается на боль и радость, с которыми стучатся в ее дверь. Она молодеет, как только чувствует, что нужна людям, и щедро, радуясь и за себя, и за них, занимает «капитанский мостик» в ответственных моментах жизни. Она помогает не лечебными корнями, не гаданьем, а мудрым словом, добрым советом или тут же сочиненной небылицей.

Сила тетюшки Руцы в знании человеческого сердца, в способности понять другого и помочь ему сохранить человеческое достоинство в любых условиях. Образ молдавской крестьянки глубоко реалистичен, в нем — правда и поэзия, существующие слитно. Добржанская добавляет к этому и еще один аспект, философский. Вдруг в какой-то момент текст, сказанный автором, — его поэтическая ремарка становится монологом, и актриса произносит его скорее от своего лица, чем от лица героини.

Монолог, «выросший» из ремарки, в котором Добржанская как бы выходит за пределы образа, но развивает ту

испанкой Пилар с ее монологом-рассказом, вместившим целую жизнь, из романа Хемингуэя?

Монологи Добржанской непохожи один на другой. Есть среди них и спокойный горький рассказ героини о себе, и тревожная исповедь, и мысли вслух, произнесенные как бы на одной ноте, и вдруг ожившее и ставшее почти реальностью прошлое, и монолог — трезвое рассуждение, и монолог — неудержимый поток лирики, и монолог — песня. Но каждый раз присутствовали в этих разных монологах и мысль самой актрисы, и ее гражданские чувства, и целеустремленность. Ее монологи — не речи в пустоту, не слова, направленные наугад, но раздумье о смысле человеческого существования, обращенное к современнику, задающее за живое, вызывающее сочувствие или спор.

Есть актеры, с которыми интересно говорить только о делах театральных. За пределами своей профессии они становятся скучными, отсутствующими, мало сведущими. Добржанская не из их числа. Хотя самым главным в ее жизни был и остается театр. Не просто театр, в котором она работает, но Театр с большой буквы. Театр, вобравший в себя очень многое: живопись, поэзию, музыку, философию, психологию, жизнь!

Ее интерес к театру — это всегда интерес к жизни, к событиям, которыми живет страна, к открытиям в разных областях науки, к новым именам в литературе, к природе, к городам, в которые забрасывает актера гастрольное лето, к людям, для которых творит художник.

Есть у Добржанской особая неутомимость в поисках талантливого: от нее всегда услышишь о молодом прозаике, повесть которого она прочла раньше других, о симфоническом концерте, о выставке художника, где она побывала в числе первых.

Умение восхищаться полотно живописцев есть у многих. Умение увидеть и понять дано не каждому. Добржанская может подолгу стоять у картины, думая о своем, и потом точно и кратко определить суть поразившей ее живописи. Ее оценки-афоризмы всегда неожиданны. Так художник постигает художника, догадываясь о том, что скрыто от «невооруженного» глаза.

Любовь Ивановна не бывает равнодушной. Она всем сердцем принимает то, что считает серьезным, значительным, и становится резкой, когда должна выступить по поводу безвкусы актерской работы или пышного пустого спектакля. Она горячо защищает то, что считает талантливым, и непримирима, а порой и безжалостна

к бездарному. Принципиальность и справедливость свойственны ей во всем, идет ли речь о судьбе начинающего актера, или о трудно рождающемся спектакле, или о человеке, допустившем бестактность.

Добржанская требовательна к людям. Она не прощает лени, разболтанности, самоуспоения, безразличия к делу. Но прежде всего она требовательна к себе самой, и редко встретишь актера с таким, как у нее, чувством ответственности, с такой великолепной профессиональной «хваткой», с готовностью работать дни и ночи — даже если больна и нет сил, даже если в доме горе...

Для любителей и знатоков искусства каждая встреча с Добржанской — праздник. Для театральной молодежи спектакли с ее участием — хорошая школа. (Жаль, правда, что руководителям театральных учебных заведений не пришла в голову мысль пригласить актрису для педагогической работы. Человек умный, образованный, с хорошей актерской школой, ученица А. Д. Попова, она, без сомнения, многое смогла бы дать своим ученикам).

И на этот раз, как и после других встреч с Любовью Ивановной Добржанской, вспоминаются слова А. Д. Попова, назвавшего актера — умницей своего времени.